

В. Ю. Иващенко, С. И. Посохов

ПИСЬМА МАРИНА ДРИНОВА К КОНСТАНТИНУ ГРОТУ (1901–1904)

Эпистолярное наследие выдающегося болгарского и российского ученого-слависта Марина Степановича Дринова давно привлекает внимание исследователей. Первые публикации писем М. С. Дринова относятся к 20–30-м годам XX в., и далее каждое десятилетие отмечено новыми изданиями.

В 1960 г. болгарские ученые Б. Петкова, В. Тилева и З. Норева в сборнике в честь М. Дринова дали детальную характеристику переписке ученого, которая насчитывает более 300 корреспондентов и охватывает период с 1860 по 1905 г. Проанализировав тематику переписки, болгарские исследователи выделили несколько тематических блоков: переписку с учеными-славистами (О. Бодянским, В. Качановским, В. И. Ламанским, В. В. Макушевым, В. Ягичем и др., с различными научными и другими учреждениями); корреспонденцию, связанную с русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и пребыванием Дринова в Болгарии, с известными русскими и болгарскими деятелями того времени (В. А. Черкасским, А. М. Дондуковым-Корсаковым, П. В. Алабиным и т. д.); корреспонденцию с болгарскими, живущими в Болгарии (Хр. Г. Дановым, Павловичем, В. Стояновым, К. Шапкаревым); переписку с болгарскими, живущими на чужбине, в частности, в Москве – Н. Бончевым, П. Каравеловым, а также в Румынии, Праге и т. д.; семейную переписку¹.

Продолжением работы по сбору и публикации писем М. С. Дринова стал совместный проект Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина и Болгарской академии наук «Эпистолярное наследие М. С. Дринова». Харьковская группа, которая сосредоточилась на русскоязычной переписке ученого, выявила основные публикации писем, а также ряд рукописных эпистолярных памятников в архивах Украины и России.

Значительный комплекс эпистолярных источников отложился в Архиве Российской академии наук в Петербурге. Некоторые из писем М. С. Дринова к известным ученым-славистам И. А. Бодуэну де Куртене, К. Я. Гроту, В. И. Ламанскому, М. Н. Сперанскому, Ф. И. Успенскому были опубликованы², однако большая их часть по-прежнему неизвестна широкому кругу исследователей.

Одним из постоянных корреспондентов М. С. Дринова был историк-славист Константин Яковлевич Грот (1853–1934). Семья Гротов прочно вошла в историю российской науки XIX–XX вв. Отец К. Я. Грота, академик, вице-президент Санкт-Петербургской АН Яков Карлович Грот (1812–1893), проявил себя на поприще филологии и истории. Он стал одним из первых российских скандинавистов, его перу принадлежат многочисленные работы по истории шведской и финской литературы, скандинавскому фольклору и мифологии, русской литературе, грамматике и лексикологии. Старший брат, Николай Яковлевич Грот (1852–1899), прославился работами в области философии и психологии.

Сам Константин Яковлевич, еще будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, увлекся историей южных славян, усерд-

но посещая лекции И. И. Срезневского, В. И. Ламанского, В. Г. Васильевского. Его работа «Разбор свидетельств Константина Багрянородного о южных славянах» (в «Записках Императорского русского географического общества», 1880 и отд.) была удостоена золотой медали.

После получения степени магистра за диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X в.» (СПб., 1881) и дальнейшей заграничной командировки в славянские страны К. Я. Грот занял кафедру славянской литературы, истории и древностей в Варшавском университете (1883–1899). В 1889 г. защитил в Санкт-Петербургском университете докторскую диссертацию «Из истории Угрии и славянства в XII в.», которая в 1891 г. была удостоена половинной Уваровской премии. С 1894 г. К. Я. Грот руководил изданием (на средства императора Александра III) научных трудов и литературного наследия отца. В 1899 г. вышел в отставку и переехал в Петербург, но в 1901 г. вновь был причислен к Министерству народного просвещения и в течение нескольких лет возглавлял комиссии по государственным испытаниям в Харьковском и Московском университетах. Наряду с публикацией работ Я. К. Грота, Константин Яковлевич уделял некоторое время изысканиям в области славистики, в частности, вопросам развития славянского самосознания в российском обществе и истории славистики. С 1905 г. К. Я. Грот заведовал Архивом Министерства императорского двора.

В 1911 г. К. Я. Грот был избран член-корреспондентом Санкт-Петербургской АН. Он был почетным членом Петербургского и Московского археологических институтов, а также многих славянских научных учреждений – Чешской и Сербской академий наук, Чешского общества наук, Чешского музея и ряда других³.

Оживленная переписка двух ученых-славистов приходится на последние годы жизни М. С. Дринова. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук хранится 11 писем Дринова (ф. 281., оп. 2., д. 146., л. 1–25), первое из которых датируется 7 января 1901 г., последнее – 18 августа 1904 г. Эти письма касаются вопросов улучшения постановки преподавания славяноведения в университетах Российской империи, чествования чешского слависта А. О. Патеры, подготовки XII Археологического съезда в Харькове и Съезда славянских филологов и историков в Петербурге и т. п. Кроме того, к письму от 10 июля 1904 г. прилагается записка о Захарию Княжеском.

Знакомство М. С. Дринова и К. Я. Грота не было заочным. Постоянная переписка дополнялась регулярным личным общением. В начале 1900-х гг. К. Я. Грот по делам службы посещал Харьковский университет. Кроме того, известно, что семья М. С. Дринова летом часто выезжала на дачу в с. Кочеток, в пятидесяти километрах от Харькова, где бывал и К. Я. Грот с семьей. В Кочетке был похоронен старший брат К. Я. Грота, Николай Яковлевич, умерший в 1899 г. Могила известного русского философа находится возле церкви Свято-Владимирской иконы Божией Матери.

Все письма М. С. Дринова являются автографами. Впервые публикуются 10 писем*. Текст источников был приближен к современным нормам правописания. Ошибки, которые не имели смыслового значения, исправлены. Сокращения слов раскрываются в квадратных скобках. Квадратными скобками обозначены также непрочитанные места. Выделенные автором слова поданы курсивом. Авторские примечания сохранены.

* Письмо № 1 было опубликовано С. А. Никитиным в 1960 г. (см.: *Никитин, С. А.* Переписка М. С. Дринова с русскими учеными..., 213–214).

№ 1

7 января 1901 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич,

Простите, что до сих пор не откликнулся на Ваше любезное письмо, полученное около месяца тому назад, одновременно с Вашей брошюрой «Об изучении славянства»⁴ и пр. Причиной тому были разные недуги, которые мучили меня довольно долго и очень запутали мои дела.

Глубокое спасибо Вам за поднятие вопроса об улучшении постановки славяноведения в университетах. Не так давно я тоже затрагивал этот поистине жгучий для нас вопрос, но затрагивал только с одной стороны, да и то лишь слегка, высказав официальным путем (в рапорте) мнение о необходимости установления особой степени магистра истории славян со включением в состав испытания на оную следующих предметов:

Главные – славянские древности история южных и западных славян,

Второстепенные – русская история, всеобщая история, преимущественно Западной Европы в средние века и Византии.

Означенное мнение было высказано мною в прошлом году, когда в министерстве возник вопрос о пересмотре ныне действующих правил об испытаниях на ученые степени.

В Вашей брошюре настоятельная потребность в разделении славянской кафедры доказана с такою основательностью и убедительностью, которые внушают надежду, что труд Ваш не останется тщетным, особенно если Вы, живя теперь в Петербурге, найдете возможность и живым словом поддержать свои мнения, перед кем следует. От всей души желаю полного, скорейшего успеха и Вашим хлопотам об основании а) русского периодического органа по славяноведению и б) общеславянского издания литературно-публицистического характера. В Болгарии, куда мог отправиться только в начале августа, я пробыл около трех недель. Оттуда двинулся в среднюю Европу, но по прибытии в Вену заболел маляриею, пролежал в гостинице десять дней и, как только почувствовал себя лучше, поспешил в Харьков, чтобы тут заняться серьезным лечением этой мучительной болезни, от которой, кажется, уже вылечился.

Ваши здешние добрые знакомые и бывшие сотрудники, которым я своевременно передал надписанные для них экземпляры Вашей новой книги, шлют Вам самую горячую благодарность за подарок и привет. Жена моя⁵ также благодарит Вас за добрую память и очень кланяется Вам. Душевно поздравляю Вас с новым годом, новым столетием и желаю всего хорошего.

*Искренне Вас уважающий
М. Дринов*

№ 2

28 декабря 1901 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

С величайшим удовольствием я узнал из Вашего письма от 13-го с. м. и из приложения к нему о задуманном способе вещественного выражения чувств признательности, любви и уважения к Адольфу Осиповичу Патере⁶ со стороны лично знакомых с ним русских славистов и туристов, к каковым могу причислить и себя. Я бывал в Праге несколько раз, провел там, в общей сложности, около двух лет, в которых почти ежедневно виделся

с паном Патерою⁷ и пользовался его услугами. Жена моя также знакома с ним и также относится с полным сочувствием к вашему благому начинанию. С таким же сочувствием отнеслись к этому начинанию и прочие харьковские знакомые Адольфа Осиповича, которых, к сожалению, оказывается весьма немного. До сих пор мне удалось разыскать лишь семь таких харьковцев, именно пять профессоров, одного генерала и одну даму. Некоторые из них уже передали мне свои фотографии и денежные взносы (большую частью по пяти рублей), другие же, у которых не оказалось запасных портретов, обещали изготовить и доставить мне таковые, вместе с деньгами, через одну или две недели. Рассчитываю, что к половине января буду иметь возможность собрать все и отправить к Вам. По всей вероятности, придется отправить не более девяти фотографий и не менее пятидесяти рублей.

Принося Вам от себя и от жены искреннейшую благодарность за добрую память, прошу Вас принять и наши наилучшие пожелания по случаю наступающего Нового года.

*Душевно Вам преданный и глубоко уважающий Вас
М. Дринов*

№ 3

18 января 1902 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Спешу отправить к Вам собранные уже мною фотографии и деньги на альбом А. О. Патеры. Деньги, 50-т рублей, прилагаю при сем вместе с подписным листом, фотографии посылаю в отдельном пакете. Кроме означенного на записном листе лиц, я отыскал в Харькове еще двух знакомых пана Патеры, которые тоже выразили желание принять участие в поднесении альбома и обещали доставить мне к 15-му числу с. м. свои фотографии с денежными взносами. Но они и до сих пор не сделали этого, да, по-видимому, и не скоро сделают, так как один из них уехал куда-то на неопределенное время, другой же все еще не может собраться снять свой фотографический портрет, какового не оказалось у него в запасе.

Премного обяжете, если по получении моей посылки потрудитесь уведомить меня парюю строк о ходе предпринятого Вами дела, которому я искренно желаю полного успеха.

*Душевно Вас уважающий и преданный Вам
Марин Дринов*

№ 4*

28 января 1902 г., Харьков

Прилагаемые при сем кабинетный портрет и деньги (десять р.) покорнейше прошу глубокоуважаемого Константина Яковлевича Грота присоединить к высланным мною 19-го числа Харьковским фотографиям (восьми) и денежным взносам (50 р.) на альбом А. О. Патере.

М. Дринов

* Это сообщение представляет собой открытое письмо.

№ 5

16 июня 1902 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Простите, что несколько опоздал ответом на Ваше любезное письмо от 5 с. м. Причиною было то, что и я сам не имел положительных сведений о том, что сделано московским археологическим обществом по делу о приглашении ими славян на Археол[огический] съезд⁸, делу, которое Москва не пожелала предоставить Харьковскому предварительному комитету. Представлялась возможность в скором времени получить также сведения от самой графини Уваровой⁹, приезда которой в Харьков поджидали со дня на день во время получения Вашего письма. Вот я и решил подождать и не ошибся в своих расчетах. Графиня действительно приехала и третьего дня в заседании нашего Комитета объявила, что приглашения уже посланы, но только в университеты Львовский, Краковский и Пражский, в академии Краковскую и Чешскую, да в Чешский народный музей. При этом она обещала в самом скором времени отправить такие же приглашения еще и в Академии Юго-славянскую и Сербскую, в Загребский университет, в Белградскую высшую школу, в Софийское высшее училище и Болгарское книжное дружество¹⁰, а также некоторым славянским ученым, Ягичу¹¹, Иречку¹², Креке¹³ и Нидерле¹⁴. Итак, *славяне* будут на съезде, хотя и не в таком количестве, какого можно было ожидать, если бы приглашения были посланы своевременно. О приеме и устройстве их должны позаботиться исключительно мы, харьковцы, так как графиня заявила, что на прием славянских гостей нельзя будет уделить ничего из сумм, ассигнованных на устройство съезда.

О Кочетке мы не забыли и, как только установится более благоприятная погода, побываем там, пока на рекогносцировку. Примите и передайте Вашей супруге от моей жены и меня самую горячую благодарность за добрую память.

Искренно уважающий Вас
М. Дринов

№ 6

18 июля 1902 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Неисправность рабочих, ремонтирующих наш дом, и внезапно ухудшившаяся со вчерашнего дня, по-видимому, надолго, погода лишают нас возможности провести небольшой остаток лета в Кочетке по близости к Вам, как хотелось. Потрудитесь довести об этом до сведения почтенной полковицы, чтобы она не рассчитывала на нас. Моя дочка и я с удовольствием вспоминаем о часах, проведенных в Вашей прекрасной семье, которой посылаем свои наилучшие пожелания, еще раз выражая любезнейшей Каролине Ивановне и Вам искреннюю благодарность за радушное гостеприимство. Жена моя очень кланяется и благодарит за добрую память и пр.

Душевно преданный Вам
М. Дринов

№ 7*

31 декабря 1902 г., [Харьков]

Очень тронут, глубокоуважаемый Константин Яковлевич, Вашим благожелательным приветом в ответ на который шлем Вам, Вашей любезной супруге и милым деткам свои наилучшие пожелания. Сильно обрадованы и известием о состоявшемся уже поднесении альбома Адольфу Осиповичу и о впечатлении, которое оно произвело на нашего общего благодетеля и Друга. Еще раз приносим свою благодарность Вам, Платону Андреевичу¹⁵ и другим начинателям и совершителям этого дела, давшего и нам возможность напомнить пану Патере о наших к нему чувствах.

*Душевно преданный Вам
М. Дринов*

№ 8

19 января 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Прилагаемое при сем открытое письмо, как увидите на означенной на нем дате, написано мною более двух недель тому назад, в день получения Вашей открытки. Не отправил же я его до сего времени по неведению, куда его адресовать. Почему-то я твердо был уверен, что Вы переехали на новую квартиру, адрес которой был мне неизвестен. Разыскание его оказалось трудным делом вследствие стоявших здесь сильных морозов и невообразимой распутицы, делавших для нас, холодногорцев¹⁶, небезопасным сношение с другими частями города, особенно с Пушкинскою горою. К тому же и самые близкие Вам и нам из жителей этой горы находились в это время в отсутствии.

Благополучно возвратившаяся на днях Наталья Николаевна передала мне фотографический снимок с крышки альбома¹⁷, и я уже успел показать его почти всем харьковцам, принявшим участие в подписании. Все они, любуясь им, воздавали хвалу и высказывали горячую благодарность Вам и Вашим сотрудникам в этом деле.

Кстати, не откажите, если возможно, при случае навести справку в министерстве, в каком положении дело о несостоявшемся конкурсе по кафедре истории церкви в Харьковском университете. Наш факультет горячо ходатайствует о сохранении этой кафедры за А. С. Лебедевым¹⁸ в виду его выдающихся ученых и преподавательских достоинств. Между тем доходят тревожные слухи, что в Министерстве прочат на нее молодого доцента К[иевской] Д[уховной] Академии Бродовича, никакими печатными трудами по истории церкви себя еще не заявившего. С этой стороны он хорошо известен нам по несостоявшемуся конкурсу¹⁹. Вопрос о сохранении кафедры за Амфианом Степановичем живо интересуется всех членов нашего факультета, интересы которого близки и Вашему сердцу. В виду этого и позволил себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой о наведении означенной справки.

Примите и передайте любезнейшей Каролине Ивановне от моей жены и от меня искренний привет и глубокую благодарность за добрую память.

*Искренно уважающий и преданный Вам
М. Дринов*

* Это сообщение представляет собой открытое письмо.

№ 9

28 декабря 1903 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич,

Позвольте мне, хотя и поздно, выразить вам и любезной Каролине Ивановне самую горячую благодарность за приветствия, которыми почтили меня по случаю исполнившегося тридцатилетия моей профессорской деятельности²⁰. Ваше письмо и телеграмма, преисполненные чувствами сердечного расположения ко мне, горячими благожеланиями и поощрительными отзывами о моей скромной научной и педагогической деятельности, тронули меня до глубины души. Тем совестнее мне и досаднее, что не мог откликнуться Вам до сих пор. Не хотелось ограничиваться кратким ответом по телеграфу, а для более подробной письменной беседы все не удавалось выделить желанного досуга. Дело в том, что последние два-три месяца я, кроме множества текущих служебных дел, должен был оканчивать и немало других срочных же работ, запущенные в предыдущие весенние и летние месяцы, когда был совершенно оторван от своих занятий разными серьезными недугами, между прочим, и воспалением легких. Не сомневаюсь, что Вы легко поймете, в каком напряжении, тревожном состоянии я находился все это время, и по своей безупречной доброте сердечной простите мне столь запоздалый ответ. С более неотложными из запущенных моих дел мне удалось, наконец, управиться, и я очень рад, что могу теперь вздохнуть свободно и отдохнуть несколько дней. Затем нужно будет приняться за изготовление (к Пасхе) давно обещанных статей Владимиру Ивановичу Ламанскому, для славянского сборника²¹, и В. Э. Регелю, для «Византийского временника»²². А там, если здоровье позволит, постараюсь приготовить что-нибудь и для Съезда славянских филологов и историков²³, в котором очень бы хотелось принять участие.

Таковы-то мои дела, безделья и планы. Что ж Вы поделяете теперь, драгоценный Константин Яковлевич? Готовите ли что-нибудь для славянского сборника и к Съезду, где думаете проводить лето?

Жена и дочь очень благодарят Вас за добрую память. Все мы посылаем Вам, Каролине Ивановне и Вашим деткам свои сердечные поздравления и наилучшие пожелания по случаю наступающего Нового года.

Еще раз от всей души благодарю Вас за Ваше дорогое для меня расположение.

*Искреннейше уважающий Вас и всем сердцем
Вам преданный
М. Дринов*

№ 10

10 июля 1904 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич,

Книгу Кочубинского²⁴ я вчера еще отправил в дом Наталии Николаевны, согласно Вашему указанию. Завтра утром отправляю туда же и 2-й том истории славянских литератур²⁵, который сегодня достал из университетской библиотеки. Моего экземпляра не оказалось на месте, – по-видимому, зачитал кто-то. Русского славяноведе-

ния Пыпина²⁶ не мог достать, но если оно Вам очень нужно, то я попытаюсь еще. Оно имеется у одного из товарищей, который, к сожалению, теперь отсутствует из Харькова.

Сегодня, как только получил Вашу вчерашнюю записку, я сел и набросал на прилагаемом листе все то, что мне было известно о Захарии Княжеском. Выберете из этого сора, что Вам пригодится, – надеюсь, что не будете бранить меня за неряшливость. Мы все остаемся в прежнем неопределенном положении. На этих днях я буду иметь обстоятельное совещание со своим доктором, и, если он строго предпишет мне отправиться в Крым на виноградные места, то мы и отправимся туда недели на две или три. Очень буду жалеть, если не удастся повидаться с Вами.

Нас всех очень трогает Ваша добрая память о нас и оказанный нашей дочке радушный прием. Примите и передайте любезнейшей Каролине Ивановне сердечный привет от моей жены, дочери и от искренно уважающего Вас

Марина Дринова

Захарий Княжеский был одним из первых болгар, приезжавших в Россию для пополнения своего скудного образования, какое в 40-х годах прошлого столетия давали болгарские школы. Он учился некоторое время в одесской семинарии, после чего приезжал около 1844 в Москву. Тут он познакомился и подружился с обучавшимся тогда в Московской Духовной Семинарии и, кажется, в академии Афоно-Зографским иноком Нафанаилом, который сделался впоследствии видным деятелем по болгарскому церковному вопросу, а по учреждении Болгарской Экзархии посвящен в митрополиты и до русско-турецкой войны управлял охридскою епархиею, а затем был переведен на кафедру Пловдивскую, которую занимает и по сие время. В 1844 г. *Нафанаил и брат его** Захарий Княжеский перевели на болгарский язык душеспасительную книгу «Зерцало или огледало христианское», напечатанную в Москве, в Университетской типографии 1847, 8-VIII + 17 стр.

В том же году и в той же типографии Московского университета Захарий Княжеский напечатал небольшую болгарскую книжку с русским заглавием «Введение в историю болгарских славян» Москва, 1847, стр. 42.

По выезде из России Княжеский некоторое время жил в Константинополе и, кажется, сотрудничал в издаваемой там газете «Цареградский Вестник» (1849–1861). В Константинополе он издал и две книжки, переведенные неизвестно с каких языков, именно: «Средство за [...]» стр. 83, Цареград. 1859; «[...]» (Цареград, 1860, стр. 106).

Княжеский много путешествовал по родным краям болгарским, что имя его пользовалось довольно широкою известностью. Он опять приезжал оттуда в Россию и, кажется, неоднократно за сбором пожертвований книгами и церковными вещами для некоторых болгарских церквей и школ. Последние годы своей жизни он провел на службе при каком-то русском посольстве в Болгарии (кажется, Русшукском), где исполнял должность драгомана или слуктора.

О племянниках Княжеского, Константине Дмитриеве, мне ничего не известно.

* Так значится на заглавном листе книги. Но нет сомнения, что тут идет речь лишь о каком-либо духовном братстве, так как Нафанаил, уроженец Северной Македонии, а Захарий Княжеский родился в Восточной Болгарии, кажется, в Эски-Заяре. [Прим. М. Дринова.]

18 августа 1904 г., Харьков

Глубокоуважаемый Константин Яковлевич!

Доктор усиленно гонит нас в Крым, куда мы и отправимся, быть может, до Вашего проезда через Харьков. Очень рад, что мои заметки о З[ахарии] Княжеском пригодились Вам. С нетерпением буду ждать Вашей статьи о славянских симпатиях Платонова²⁷. Книжки потрудитесь передать любезной Наталье Н[иколаев]не, или же А. П. Кадлубовскому²⁸, который может немедленно возвратить Пыпина университетской библиотеке. Еще раз примите и передайте многоуважаемой Каролине Ивановне вместе с нашим душевным приветом и нашу искреннюю благодарность

Сердечно преданный Вам
М. Дринов

¹ Петкова, В., Тилева, В., Нонева, З. Архивът на Марин Дринов. – В: Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960.

² Никитин, С. А. Переписка М. С. Дринова с русскими учеными. – В: Изследвания в чест на Марин Дринов. София, 1960, 205 – 216.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, ф. 281, оп. 1, д. 131, л. 14–19 об.

⁴ В брошюре К. Я. Грота «Об изучении славянства» (СПб., 1901) были сформулированы замечания по поводу университетского устава 1884 г., который все славяноведение свел к «славянской филологии», понимаемой как языковедение. Грот предлагал создание трех или четырех славянских кафедр: славянской филологии, истории славянских литератур, истории и древностей славянских народов и истории славянских законодательств. Кроме того, Грот говорил о необходимости для развития славяноведения создания периодических изданий разных типов и введения элементов славяноведения в программу средней школы.

⁵ Дринова (урожд. Вильямс) Маргарита Ивановна – жена М. С. Дринова.

⁶ Патера Адольф Осипович (1836–1912) – чешский филолог и историк, заведующий библиотекой Чешского музея в Праге.

⁷ Первое длительное заграничное путешествие М. С. Дринов предпринял в 1865–1870 гг. в качестве домашнего учителя детей княгини Е. А. Голицыной. В сентябре 1867 г. он поселился в Праге, где и оставался более двух лет. В это время и состоялось знакомство с А. О. Патерой, о чем свидетельствует письмо В. В. Макушеву о краткосрочном пребывании в Праге в 1870 г.: «В Праге я пробыл всего шесть дней: по утрам работал в библиотеке музея, по вечерам копался в библиотеке пана Патеры» (см.: Никулина, М. В. Письма М. С. Дринова В. В. Макушеву (1870–1875 гг.). – Сов. славяноведение, 1974, № 2, с. 69). Следующая научная командировка состоялась в 1875–1876 гг. За это время М. С. Дринов посетил Браилу, Панагюриште, Вену, Прагу и др.

⁸ Речь идет о подготовке к XII Археологическому съезду, который состоялся в Харькове в 1902 г.

⁹ Уварова (урожденная княжна Щербатова) Прасковья Сергеевна (1810–1924) – графиня, жена русского археолога, одного из основателей Московского археологического общества – А. С. Уварова (1825–1884). После смерти мужа возглавила Московское археологическое общество, выступала одним из активных организаторов археологических съездов.

¹⁰ Имеется в виду Болгарское научное общество (Българското книжно дружество, БКД), основанное при участии М. С. Дринова в Браиле в 1869 г. Дринов был первым председателем Общества, положившего основание Болгарской академии наук.

¹¹ Ягич Ватрослав (Игнатий Викентьевич) (1838–1923) – хорватский филолог-славист, член-корреспондент (1868), академик (1880) СПбАН, в 1880–1886 гг. – профессор церковно-славянского и русского языков в Петербургском университете, в 1886–1908 гг. занимал кафедру славянской филологии Венского университета.

¹² Иречек Константин (1854–1918) – чешский историк, иностранный член-корреспондент СПбАН (1888), в 1881–1882 гг. министр народного просвещения Болгарии, в дальнейшем – профессор Пражского и Венского университетов.

¹³ Крек Григорий (1840–1905) – славист, иностранный член-корреспондент СПбАН, профессор славяноведения в Граце.

¹⁴ Нидерле Любор (1865–1944) – чешский археолог, историк, иностранный член-корреспондент СПбАН (1906), профессор Пражского университета.

¹⁵ По-видимому, речь идет о Кулаковском Платоне Андреевиче (1848–1913) – историке и филологичеслависте, профессоре Варшавского университета.

¹⁶ М. С. Дринов жил на Холодной горе – так называется один из районов г. Харькова.

¹⁷ Имеется в виду памятный альбом А. О. Патеры.

¹⁸ Лебедев Амфиан Степанович (1832–1910) – историк церкви, профессор Харьковского университета.

¹⁹ Согласно приказу министра народного просвещения от 1 апреля 1903 г., доцент Киевской духовной академии Иосиф Александрович Бродович (1871–1920) был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора кафедры истории церкви Харьковского университета.

²⁰ 8 августа 1903 г. исполнилось 30 лет работы М. С. Дринова в Харьковском университете. Через три месяца, 2 ноября, состоялось чествование юбиляра Харьковским историко-филологическим обществом и историко-филологическим факультетом университета.

²¹ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – историк-славист, академик СПбАН (1900), с 1865 г. – доцент по кафедре славянской филологии (с 1871 г. профессор) Петербургского университета. Основоположник школы славистов в Петербургском университете.

²² Регель Василий Эдуардович (1857–1932) – историк, член-корреспондент СПбАН (1898), приват-доцент Петербургского университета, редактор журнала «Византийский временник», издаваемого при СПбАН, с 1918 г. ректор Воронежского университета.

²³ В 1899 г. группа чешских славистов-филологов выступила с предложением созвать в 1901 или 1902 г. в Праге съезд славистов-филологов, однако австрийское правительство не дало на это своего разрешения. Тогда инициатива созыва съезда перешла ко II Отделению СПбАН, где был поставлен вопрос о привлечении к съезду историков. В апреле 1903 г. в Петербурге состоялось заседание предварительного комитета съезда. М. С. Дринов принимал участие в работе 6 из 7 секций, был избран почетным председателем второй секции (по вопросу славянской энциклопедии). Российское правительство разрешило созыв съезда с 31 августа по 10 сентября 1904 г., но затем он был отложен, что фактически означало его срыв.

²⁴ Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) – славист, профессор Новороссийского университета.

²⁵ Имеется в виду совместный труд А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича «Обзор славянских литератур» (1865). В 1874–1881 гг. появилось 2-е издание (переработанное и расширенное) под заглавием «История славянских литератур».

²⁶ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – литературовед, историк, этнограф, фольклорист, академик СПбАН (1898), один из редакторов журнала «Вестник Европы». Речь идет о его работе «Русское славяноведение в XIX столетии» (Вестник Европы, 1889, т. 4, № 7, 238–274).

²⁷ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, член-корреспондент (1908), академик (1920) РАН, профессор русской истории Петербургского университета, в 1903–1916 гг. – директор Женского педагогического института. Был председателем Археографической комиссии (1918–1929), директором Пушкинского дома (Института русской литературы) АН СССР (1925–1929) и Библиотеки АН СССР (1925–1928).

²⁸ Кадлубовский Арсений Петрович (1867–1921) – историк русской литературы, с 1899 г. приват-доцент, затем профессор Харьковского университета, в 1916–1917 гг. профессор, директор библиотеки Пермского университета, в 1919–1920 гг. профессор Таврического университета.